

Реформизм

Источник: [здесь](#). Часто используемое в последнее время слово. И со стороны, возможно, кажется, что и противники, и сторонники этого слова занимаются одним и тем же, а спор возникает на пустом месте. Так ли это? Малатеста пишет с позиции революционера о своем отношении к реформизму. Читайте и делайте выводы.

Основной ошибкой реформистов, из которой происходят все другие, является их мечта о «**солидарности**», об искреннем сотрудничестве – между господами и рабами, между собственниками и рабочими, – которое, даже если бы она когда-либо и существовало в эпохи крайней несознательности масс и их истовой религиозности, совершенно невозможно в наше время.

Тот, чьим идеалом является общество откормленных свиней, блаженно ищущих корм под покровительством горстки пастухов; тот, кто упускает из виду потребность в свободе и существование чувства человеческого достоинства; тот, кто поистине верит в Бога, непостижимые пути которого предусматривают покорность для бедняков и благотворительность для богачей, — такой человек может также представить и стремиться к такой технической организации производства, которая обеспечила бы изобилие для всех и была бы в то же время материально выгодной как богачам, так и беднякам. Но в действительности, «общественный мир», основанный на изобилии, останется недостижимой мечтой – до тех пор, пока общество будет разделено на антагонистические классы: предпринимателей и наемных работников. И в таком обществе не будет ни мира, ни благосостояния.

Указанный антагонизм имеет более духовную, нежели материальную причину. Между работниками и их господами никогда не возникнет искреннего взаимопонимания в деле лучшего использования природных богатств в интересах человечества, поскольку господа всегда будут хотеть оставаться господами и стремиться к сохранению своей власти за счет рабочих, а также путем конкуренции с другими собственниками, а рабочие всегда будут сыты по горло капризами своих господ!

[Наши друзья] даром тратят время, говоря нам, что неполная свобода всегда лучше, чем жестокий и неограниченный деспотизм; что ограничение рабочего дня, установление заработной платы, позволяющей трудящимся жить не как выючные животные, и защита прав женщин и детей более предпочтительны, чем эксплуатация человеческого труда до крайней степени изнеможения; что государственная школа, какой бы плохой она ни была, с точки зрения морального развития ребенка всегда лучше, чем школы, управляемые попами и монахинями, ... ибо мы полностью согласны с ними. И мы также согласны, что при определенных обстоятельствах итоги национальных или местных выборов могут иметь хорошие или дурные последствия, и что их результат может зависеть от голосов анархистов, если силы противоборствующих партий приблизительно равны.

В большинстве случаев – это иллюзия; когда выборы носят достаточно свободный характер, их единственное значение – чисто символическое: они указывают на состояние общественного мнения, которое могло бы быть прояснено и более эффективными мерами, если бы не существовало канала в виде выборов. Но это несущественно; даже если некоторые минимальные улучшения и были прямым следствием победы на выборах, анархисты не должны стекаться в кабины для голосования или прекращать проповедовать свои методы борьбы.

Так как никто в этом мире не может достичь всего, следует выбирать четкую линию действий.

Всегда существует определенное противоречие между незначительными улучшениями, удовлетворением сиюминутных потребностей – и борьбой за лучший общественный строй. Люди, посвятившие себя делу возведения общественных уборных и фонтанов для питья там, где в них существует потребность, или строительству дороги, либо сооружению муниципальной школы, или же принятию второстепенного закона о защите прав рабочих, или избавлению от жестокого полицейского, – такие люди, возможно, действуют целесообразно, используя избирательный бюллетень, поддерживая то или иное влиятельное лицо на выборах. Но в таком случае – поскольку они желают быть «практичными», им **следует идти до конца; таким образом, вместо того чтобы голосовать за оппозиционную партию или за партию, чьи идеи отвечают зову своего сердца, не лучше ли избрать кратчайший путь и поддержать правящую партию, став исполнителем воли префекта или мэра?** И действительно, новообращенные парламентаристы, о которых идет речь, на деле не предлагают поддерживать на выборах наиболее «прогрессивную» партию; они выступают за поддержку тех политических сил, которые имеют наивысший шанс быть избранными... Но, в таком случае, к чему все это приведет?

На протяжении всей человеческой истории мы можем видеть, что недовольные, угнетенные, бунтари, прежде чем представить себе и возжелать радикальных изменений политической и общественной организации, ограничиваются частичными требованиями, уступками со стороны власть имущих, и всяческими улучшениями условий жизни. Надежда на достижение изменений путем реформ, а также вера в их эффективность, постепенно переходят в убеждение, что уничтожение господства правительства или правящего класса требует преодоления условий его существования, а стало быть, революции.

В обычное время реформы или проводятся, или же нет, и если они проводятся, их ход либо усиливает правящий режим, либо подрывает его основы; содействует началу революции или препятствует ему; благоприятствует или мешает общественному развитию, в зависимости от своих особых черт, состояния общественного духа в момент проведения реформ, и, прежде всего, – способа, которым они были потребованы или добыты народом.

Правительства и господствующие классы, естественно, всегда следуют собственному инстинкту самосохранения, закрепления и усиления своей власти и привилегий; **и если уж они согласились на проведение реформ, то это означает, что они либо считают их своим собственным делом, либо не ощущают в себе достаточно сил для**

сопротивления реформам и идут на уступки, опасаясь худшего в случае отказа.

Угнетенные же могут требовать и приветствовать нововведения как милостиво дарованное свыше благо, признавая законность власти, стоящей над ними, и, таким образом, причиняя себе же больше вреда, чем пользы, задерживая, отклоняя в сторону, или даже приостанавливая процесс общественного освобождения. Либо же, они могут требовать и проводить в жизнь необходимые общественные изменения своими усилиями, **приветствуя их как частичные победы над классовым врагом, используя их как исходную точку для еще более великих побед.** Тогда такие реформы могут быть важной поддержкой и подготовкой в деле всеобщего ниспровержения режима привилегий – то есть, для революции. В определенный момент события достигают точки, после прохождения которой требования угнетенного класса не могут быть удовлетворены властью имущими без серьезной угрозы для своего господства. Тогда неминуемо происходит вооруженное столкновение между обеими сторонами.

Таким образом, неверно, что революционеры всегда и везде должны выступать против временных усовершенствований, против реформ. Они выступают против реформистов, с одной стороны, потому, что методы последних менее эффективны в деле требования реформ от правительств и капиталистов, способных пойти на уступки только под воздействием страха. С другой стороны, это вызвано тем, что реформы, которые так прославляют реформисты, зачастую не только сомнительны с точки зрения непосредственных выгод для рабочих, но и служат укреплению существующего режима, привлекая рабочих к поддержанию его существования через материальный интерес. Таковы, например, государственные пенсии, фонды страхования, программы участия в прибылях в сельскохозяйственных и промышленных предприятиях и т.п.

Не считая того, что само это слово стало для нас неприятным, после того как политики злоупотребили им и дискредитировали его, анархизм всегда был, и никогда не мог не быть, **«реформистским»**. Мы предпочитаем термин «направленный на общественные преобразования» (*reformative*), дабы избежать возможного смешения с теми, кого сейчас официально называют **«реформистами»** — теми, кто стремится, посредством малозначительных и часто преходящих изменений сделать существующие порядки более терпимыми (*и, вследствие этого, содействует их укреплению*); или же теми, кто искренне верит в возможность уничтожения существующих ныне общественных зол при одновременном уважении и признании тех политических и экономических учреждений, которые являются одновременно причиной и опорой этих зол. Но, в любом случае, всегда существует вопрос о реформах, и основное различие между нами и ними состоит в том, к каким именно реформам мы стремимся и каким путем мы желаем их достичь. В историческом смысле этого слова, революция означает радикальное преобразование (реформу) существующих учреждений, достигнутое в кратчайшие сроки посредством вооруженного восстания народа против существующих властей и привилегированных классов; и мы – революционеры и повстанцы потому, что мы желаем не просто улучшить существующие учреждения, но коренным образом уничтожить их, преодолеть любые формы господства человека над человеком, любое паразитирование на человеческом труде. Мы – революционеры, так как мы ходим достичь этого как можно скорее, и потому что мы считаем, что учреждения, порожденные насилием, поддерживают свое существование

путем насилия, и только ответное насилие может их уничтожить. Но революция не произойдет по одному нашему хотению. Следует ли нам ждать ее, бездействуя, дожидаясь, пока положение не созреет для этого?

Но даже после успешного восстания, можем ли мы надеяться мгновенно осуществить все наши желания и перейти от капиталистического и этатистского ада в либертарно-коммунистический рай на земле, в состояние полной свободы человека в пределах желаемой нами общности интересов с другими людьми?

Такие иллюзии могут питать лишь авторитарии, рассматривающие массы в качестве пассивного сырья, которому обладатели государственной власти могут придавать нужную форму с помощью декретов, поддерживаемых пулями и кандалами. Но среди анархистов нет тех, кто следует этим иллюзиям. Мы стремимся к тому, чтобы наши идеи были усвоены народом в целом, поэтому мы должны убеждать его пропагандой и собственным примером, содействовать его образованию и изменению общественной среды таким образом, чтобы это образование охватило как можно большую массу народа...

Мы – реформаторы в настоящем постольку, поскольку мы стремимся к созданию наиболее выгодных условий и как можно более многочисленной среды просвещенных борцов анархизма, с тем, чтобы народное восстание завершилось успехом. Мы будем реформаторами завтра, когда произойдет победоносное восстание, и будет достигнута свобода, так как мы будем стараться всеми средствами, которые нам предоставят условия общественной свободы, т.е. путем пропаганды, собственным примером и вооруженным сопротивлением против всех, кто пожелает ограничить нашу свободу, привлечь к нашим идеям все больше и больше людей.

Но мы никогда не признаем существующие учреждения; мы добьемся или вырвем силой все возможные реформы – так, как освобождают захваченные врагом земли, чтобы потом перейти в наступление; мы навсегда останемся врагами любого правительства – будь то монархия сегодняшнего дня, или республиканский либо большевистский режим в будущем.

Версия #1

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 5 июля 2025 01:31:46

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 5 июля 2025 01:32:26